

VELMORE STUDIO

ПОСЛЕДНИЙ ОГОНЁК

— ЛЕС ПОМНИТ ТЕБЯ —

Иногда,
чтобы найти свет,
нужно не бояться
темноты

— РОМАН —

Дмитрий Павлов

Последний огонек

<https://litres.ru/74683272>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если лес помнит то, что ты сам отчаянно пытаешься забыть?

Когда младшая сестра Элиана бесследно исчезает в загадочном лесу, мальчик отправляется на её поиски. Единственное, что освещает ему путь, — старый фонарь, способный раскрывать давно забытые воспоминания.

Но чем глубже Элиан проникает в Вельмор, тем больше понимает: этот лес не просто хранит тайны. Он живёт чужими страхами, несбывшимися обещаниями и историями людей, которых больше никто не помнит.

Здесь дороги меняют направление, отражения скрывают правду, а таинственный Смотритель следует за каждым шагом.

Чтобы найти сестру, Элиану предстоит разгадать трагедию забытого города, встретиться с собственным прошлым и сделать выбор, от которого зависит судьба целого мира.

«Последний огонёк: Лес помнит тебя» — атмосферный роман в жанре тёмного фэнтези о любви, надежде, памяти и ответственности. История о том, что даже в самой глубокой темноте может сохраниться свет.

Дмитрий Павлов

Последний огонек

VELMORE STUDIO

ПОСЛЕДНИЙ ОГОНЁК

Лес помнит тебя

Роман в пяти частях

Литературная редакция 2.1

О книге

История Элиана, Лиры и забытых жителей Вельмора. Пролог, тридцать глав и эпилог. Мрачная сказка о памяти, надежде, любви и ответственности.

Содержание

Пролог. Одиннадцать одиннадцать

Часть 1. Шёпот вельмора

Глава 1. Исчезновение

Глава 2. Первая искра

Глава 3. Корни

Глава 4. Шёпот

Глава 5. Чужие следы

Глава 6. Смотритель

Часть 2. Затопленные воспоминания

Глава 7. Старая мельница

Глава 8. Река без отражений

Глава 9. Шлюзы

Глава 10. Чужое отражение

Глава 11. Колокольня

Глава 12. Погоня

Часть 3. Забытые жители

Глава 13. Деревня теней

Глава 14. Песня мха

Глава 15. Часовщик

Глава 16. Сад спящих

Глава 17. Пустые дома

Глава 18. Имя на стене

Часть 4. Память и страх

Глава 19. Без света

Глава 20. Лицо под маской

Глава 21. Другая сторона

Глава 22. Час без времени

Глава 23. Потерянный голос

Глава 24. Правда Вельмора

Часть 5. Последний огонёк

Глава 25. Сердце леса

Глава 26. Последняя тропа

Глава 27. Там, где ждёт Лира

Глава 28. Хранитель

Глава 29. Цена света

Глава 30. Рассвет или забвение

Эпилог. Одиннадцать двенадцать

ПРОЛОГ

Одиннадцать одиннадцать

В ту ночь колокола Вельмора звонили без остановки.

Обычно по первому удару на главной башне люди определяли время, по второму — узнавали, с какой стороны города открыли ворота, а по праздничному перезвону понимали, что можно отложить работу и выйти на площадь. Колокола здесь любили. Старики говорили: пока звон разносится над крышами, никто не остаётся совсем один — даже тот, кто не может выйти из дома, слышит, что город помнит о нём.

Но сейчас никто не мог разобрать мелодию. Медные голоса перебивали друг друга, сбивались с ритма, отвечали эхом в затопленных переулках. Казалось, кто-то из всех сил пытался выстучать предупреждение, не зная ни единого слова.

Дождь хлестал по крышам так густо, что за ближайшими домами исчезли башни. По улицам неслась коричневая вода. Она увлекала за собой сорванные ставни, корзины, вымокшие книги, ветви, детский деревянный волчок. В маленькой булочной возле канала ещё горела печь, и запах тёплого хлеба смешивался с запахом ила. Разбитая вывеска беспомощно стучала о стену. Из окна третьего этажа женщина окликала кого-то по имени. Ответа не было.

Человек в длинном плаще стоял на мосту, ведущем к северным воротам. Под плащом давно не осталось сухой нити.

ки. Одной рукой он держал фонарь, другой прижимал к себе троих детей, чтобы поток людей не разъединил их на узких каменных ступенях. Но люди бежали уже в другую сторону: за воротами оползла дорога, и отступавшие возвращались обратно в город, из которого невозможно было выбраться.

— Там есть другая тропа? — спросил мальчик в светлом капюшоне.

Человек посмотрел на тёмную линию леса. В прежние дни от северных ворот к нему вела прямая дорога, обсаженная рябиной. Теперь дорогу скрывала вода. Лес казался неожиданно близким: его стволы стояли за воротами подобно людям, терпеливо ждущим своей очереди войти.

— Есть, — сказал человек. — За старой мельницей. Мы пойдём вдоль ограды, пока она не повернёт к холму.

— Ты уверен?

Мальчик спросил не дерзко. Он хотел, чтобы взрослый, наконец, ответил уверенно. Всё утро ему говорили, что плотину удержат. В полдень обещали, что вода скоро спадёт. К вечеру сказали, что опасен только нижний квартал. Теперь нижнего квартала не существовало.

— Я знаю дорогу, — произнёс человек и сам услышал, как мало в этом правды.

Девочка в охристом капюшоне сжимала руку мальчика. Она дрожала, хотя пыталась скрыть дрожь, и смотрела на другой берег, где у самой воды болталась открытая дверь.

Третий ребёнок, стоявший с другой стороны, всё оглядывался на город. Короткие волосы прилипли к щекам, рукав разорвался у локтя.

— Там остались люди, — тихо сказала третья девочка.

— Мы вернёмся за ними, — ответил человек.

— Ты не можешь вернуться за всеми.

Он не нашёл, что возразить. Иногда самые страшные слова звучат спокойно, почти буднично. Особенно если их произносит ребёнок.

На поясе человека висел старый фонарь. Внутри дрожал золотой огонёк, которому не страшны были ни дождь, ни ветер. Фонарь создали не для дороги. Ещё недавно он освещал небольшие комнаты в доме памяти: его свет проступал сквозь пыль на портретах, помогал вспомнить давно забытые песни и находить имена на старых письмах. Человек любил свою работу. Он верил, что память может удержать людей рядом друг с другом даже тогда, когда они расходятся навсегда.

Последние месяцы его просили о другом. Убрать с портрета печальное лицо. Сделать так, чтобы мать не плакала при виде детской курточки. Вернуть городу уверенность, будто никто никогда не совершал ошибок. Он отказывался, потом уступал в малом, затем снова пытался остановиться. Слишком поздно он понял, что человек, привыкший исправлять чужую боль без разрешения, однажды решит, будто имеет право исправить и чужую жизнь.

Под мостом раздался голос:

— Подождите.

Ни один из детей не произнёс ни звука. Но человек обернулся, потому что узнал голос. Или ему показалось, что узнал: в одно мгновение он вспомнил узкую улицу возле мастерской часовщика и старика, который каждый вечер выносил на порог табуретку, чтобы смотреть на закат. А в следующее уже не мог вспомнить ни имени старика, ни того, жив ли он.

На воде стояли люди.

Их было больше десятка. Они не тонули и не шли по дну. Старик в рабочем фартуке, женщина с корзиной, мальчик с книгой — все двигались медленно, почти не поднимая ног. Дождь проходил сквозь их лица. Среди них мелькали знакомые черты: соседка из дома напротив, помощник пекаря, дочь смотрителя часов. Ни одно имя не задерживалось в памяти дольше вдоха.

— Почему они молчат? — спросила девочка в охристом капюшоне.

— Не смотрите на них, — сказал человек. — Смотрите на меня.

Мальчик послушался первым. Он шагнул ближе, будто его осторожность могла защитить остальных. Третья девочка задержалась на краю моста: кто-то из теней протягивал к ней руку.

— Они не знают, куда идти, — прошептала она.

Человек хотел ответить, что сейчас важнее спасти её саму, но в этот миг под городом что-то ударило.

Не взрыв и не землетрясение. Удар пришёлся в самую глубину камня — глухой, ровный, похожий на биение огромного сердца. Сразу после него с башни посыпалась штукатурка. Над крышами поднялась чёрная волна. Старая система шлюзов, которой доверяли несколько поколений, наконец перестала держать воду.

Ворота перед детьми раскрылись, хотя никто к ним не прикасался. За ними виднелся лес и прямая тропа, вдруг ставшая такой отчётливой, словно её нарисовали золотым мелом.

— Бежим! — крикнул человек.

Он успел схватить мальчика за ворот, подтолкнуть девочку в охристом капюшоне к ступеням и протянуть руку третьему ребёнку. Вода поднялась по обе стороны моста; между волнами на мгновение возникли высокие, неподвижные стены. Детские ботинки застучали по камням.

Сломалась первая плита.

Девочка в охристом капюшоне вскрикнула и крепче вцепилась в ладонь брата. Мальчик обернулся. Третий ребёнок оказался на отделившемся куске моста. До неё было совсем близко, но расстояние стремительно росло, как растёт трещина на стекле.

— Держись! — закричал мальчик.

Он лёг на мокрый камень, вытянув руку. Его маленькие

пальцы коснулись чужой ладони. На секунду они сцепились.

Человек схватил мальчика за пояс, чтобы удержать от падения. Он видел, как мальчик старается. Видел, что тот не сможет. И всё же промедлил — одну крошечную, непростительную секунду, потому что хотел найти решение, при котором никого не пришлось бы отпускать.

Мост раскололся.

Всё произошло так быстро, что потом об этом невозможно было рассказать по порядку: внезапная пустота под рукой, чьи-то короткие волосы в дождевой пелене, крик, которого уже не услышать за шумом воды.

Человек поднял фонарь.

Внутри золотого пламени были две дверцы: железная, которую открывали для заправки маслом, и другая, невидимая, о которой ему однажды велели не спрашивать. Он знал, для чего предназначалась вторая. Знал и цену.

— Нет, — сказал он себе.

Но это слово утонуло в очередном ударе подземного сердца.

Человек повернул ключ, которого не существовало, и открыл свет изнутри.

Дождевые капли застыли в воздухе. Волна остановилась над головами, держа на гребне доску от чьей-то двери. Звон колоколов оборвался посередине удара. Три детские фигуры повисли между берегами, удерживаемые не руками, а чем-то более хрупким.

Тишина оказалась громче воды.

В этой тишине человек слышал голос, не принадлежавший ни городу, ни лесу:

«За всё сохранённое нужно заплатить».

Он посмотрел на детей. Мальчик по-прежнему тянул руку туда, где исчезала последняя ладонь. Девочка в охристом капюшоне плакала беззвучно. Третий ребёнок находился слишком далеко: его нельзя было вернуть одним движением света.

— Возьми моё, — сказал человек.

«Что именно?»

Он вспомнил утро, когда впервые зажёл фонарь. Вспомнил запах супа в собственной кухне, стук двери, чей-то смех, первую весну после долгой зимы. Всё это — тёплое, незначительное, составляющее его жизнь — показалось ему ценной, которую можно отдать ради троих детей.

— Всё, что понадобится.

В ответ не было ни благодарности, ни прощения.

Свет проник в каменные швы. По мосту поползли корни, хотя поблизости не росло ни одного дерева. Они обхватывали обломки, соединяли их заново, тянулись к пустым домам, к колокольне, к тёмным каналам. На башне треснул циферблат. Стрелки остановились на одиннадцати часах одиннадцати минутах.

Человек почувствовал, как исчезает первое воспоминание. Он ещё знал, что потерял что-то дорогое, но уже не мог

описать что. Затем ушло второе. Следом — имя, которым его звали в детстве. Он попытался удержать хотя бы голоса детей, но понял с ужасом, что и их имена начинают растворяться.

Тогда он сделал последнюю вещь, доступную человеку, который перестаёт быть собой: привязал к фонарю маленький колокольчик. Если память исчезнет, решил он, звук напомнит ему, что нужно кого-то искать.

Колокольчик звякнул один раз.

Над мостом, где перестал идти дождь, потянулся густой белый туман.

Вельмор исчез с карт.

Но лес продолжал помнить.

ЧАСТЬ 1

Шёпот вельмора

ГЛАВА 1

Исчезновение

Лира всегда замечала то, чего не видел Элиан.

Она знала, на каком дереве ворон по утрам изображает скрип дверных петель, какой камень на обочине муравьи обходят полукругом и почему нельзя срывать последние колокольчики на осеннем лугу: по её словам, осенью цветам особенно важно слышать друг друга. Элиан обычно отвечал, что цветы не слышат, камням не обидно и, если задерживать-

ся возле каждого странного пня, до дома можно добраться только к весне.

Так он говорил не потому, что хотел обидеть сестру. Просто ему нравилось знать, что происходит дальше. Поворот дороги, знакомая крыша, мост через ручей, ступени крыльца — всё это выстраивалось у него в голове так же удобно, как деревянные кубики. Он был старше Лиры, а значит, отвечал за дорогу. По крайней мере, так он понимал старшинство.

В тот вечер они возвращались слишком поздно.

Небо над лесом было сизым, как мокрая зола. Последние полосы заката проглядывали сквозь оранжевые листья, а низкий ветер перебирал сухую траву вдоль тропинки. На развилке дети договорились идти быстро и нигде не останавливаться. Через десять минут Элиан обнаружил, что договор, как и многие другие договоры с Лирой, действует только до первого интересного камешка.

— Ты опять отстаёшь, — сказал он, оглянувшись.

Сестра сидела на корточках возле корней большого клёна. Светлые волосы выбились из охристого капюшона, кончик длинного шарфа лежал прямо в грязи. Она пыталась чем-то поддеть мокрые листья, не испачкав рукавицы.

— Здесь что-то есть!

— Здесь везде что-то есть. Это лес.

— Нет, Элиан. Это другое. Иди сюда.

Он сделал три шага, остановился, демонстративно посмотрел на небо. Лира этого не видела. Тогда мальчик вер-

нулся.

Под листьями лежал маленький круглый камень. По его поверхности шла трещина, напоминавшая незамкнутое кольцо. В самом центре теплилась золотая точка. Она не освещала траву и не была похожа на отражение солнца. Казалось, под каменной кожурой пряталось крошечное живое существо, которое медленно открывает глаз.

— Красивый, правда? — спросила Лира.

— Может, какой-то жук.

— Жуки не живут в камнях.

— Некоторые живут.

— Ты видел?

Элиан помолчал.

— Нет. Но это ничего не доказывает.

Лира улыбнулась тем особенным образом, от которого мальчик чувствовал себя одновременно старше и глупее.

— Тогда может быть и такой камень, которого ты не видел.

Она осторожно завернула находку в платочек. В её сумке уже лежали перо ворона, три пуговицы, сухая шишка и полоска синей ткани, происхождение которой Элиан давно забыл. Он собирался спросить, зачем ей ещё один ненужный предмет, но заметил, как бережно сестра расправляет уголки платка, словно укладывает кого-то спать.

— Ты ведь не выкинешь его? — спросила Лира, не поднимая головы.

— С чего бы?

— Ты сказал, что мои находки занимают место.

— Я сказал, что в сумке не останется места для хлеба.

— Хлеб мы съедим. А камешек останется.

Элиан почти засмеялся, но сдержался. Иногда Лира говорила вещи, над которыми хотелось подумать, а думать он сейчас не собирался. Смеркалось. Скоро в лесу все деревья станут похожими, а тропинка — неотличимой от сухого ручья.

— Пойдём, — произнёс он уже мягче. — Ещё немного, и будем дома.

— Ты точно знаешь дорогу?

— Конечно.

Она протянула ему руку. Он взял её, стараясь не показать, как приятно ему ощущать маленькую тёплую ладонь в своей.

* * *

Сначала всё было обыкновенным.

Тропинка изгибалась между деревьями; лужи отражали ветви; где-то трещала сорока. Лира пробовала наступать лишь на жёлтые листья и возмущалась, если между ними попадался красный. Элиан не запрещал. Ему даже нравилось считать её прыжки и угадывать, на каком листе она сойдёт.

Потом лес словно незаметно передвинул вещи.

Элиан заметил это возле старого мостика. Обычно под ним бежал ручей, и через воду можно было увидеть песок, гладкие камни и улиток, прилепившихся к доскам. Теперь

русло оказалось совершенно сухим. На дне лежал деревянный башмак — маленький, со светлой полосой по краю. Мальчик спустился на пару ступеней и осторожно потрогал его кончиком ботинка.

— Чей он? — спросила Лира.

— Не знаю. Наверное, чей-то давно потерянный.

— А почему вода ушла?

— Осень. Ручьи мелеют.

Это было разумное объяснение. Оно понравилось Элиану ровно до тех пор, пока он не увидел под мостом сырую отметку, проходившую выше его головы. Если вода поднялась так высоко, она должна была залить всю дорогу. Между тем листья вокруг были сухими, а грязь не хранила следов недавнего потока.

Он выпрямился, слишком поспешно отряхнул ладони.

— Идём.

— Я ещё хотела посмотреть...

— Потом.

— Но башмак...

— Лира, пожалуйста.

Сестра посмотрела на него. Он не повысил голос, но что-то в его лице заставило её спрятать вопрос. Они поднялись на мост и быстро пошли дальше.

Через некоторое время девочка тихо спросила:

— А если кто-то потерялся и не может найти второй башмак?

Элиан хотел ответить, что рядом нет никого босого, но не стал. Ему самому внезапно захотелось вернуться и посмотреть, не лежит ли второй башмак за камнем. Это желание было таким сильным и бессмысленным, что стало неудобно.

Впереди вырос старый указатель.

Элиан знал его. С одной стороны доски всегда было написано название лесного посёлка, с другой — расстояние до мельницы. Рядом стоял большой камень, похожий на спину зверя, который уснул посреди дороги. Дети даже прозвали его Спящим Медведем.

Указатель стоял на месте. Камня не было.

Вместо него росло высокое дерево с серебристой корой, гладкой, как натёртое стекло. В его стволе не было ни одной трещины; среди узловатых соседей оно выглядело так, словно появилось здесь сегодня утром.

— Смотри, новое дерево, — обрадовалась Лира.

— Деревья не вырастают за день.

— Мы не знаем, за сколько оно выросло.

Элиан подошёл к указателю. На доске были знакомые буквы, только складывались они в невозможные слова. Он прочёл одну строку, моргнул, прочёл снова — и увидел уже другое.

ВЕЛЬМОР.

Слово показалось ему знакомым. Не как название, которое слышал вчера, а как обрывок сна, вспомнить который невозможно после пробуждения.

— Вельмор, — произнесла Лира. — Красиво.

— Ты знаешь такое место?

Она покачала головой. Потом приложила ладонь к серебристому стволу.

— Оно холодное.

— Не трогай. Дом справа.

Он выбрал правую тропу, потому что там между деревьями виднелись остатки каменного забора. За этим забором, он был уверен, всегда проходила знакомая дорога. Лира послушно следовала за ним. Через несколько минут забор исчез. Вместо него показались те же четыре сосны, тот же корявый пенёк и тот же серебристый ствол возле указателя.

Только теперь стрелка с надписью «Вельмор» указывала в другую сторону.

— Мы ходим кругами, — сказала Лира.

— Нет.

— Но дерево...

— Я вижу дерево!

Она замолчала.

Невозможно было не заметить, как изменилось её лицо: любопытство исчезло, плечи слегка поднялись, а рука потянулась к сумке, будто там можно было спрятаться. Элиан сразу пожалел о своих словах. Он хотел защитить её от опасности, но напугал сам.

— Извини, — сказал он. — Я просто... не понимаю.

Лира повела носом. Он боялся, что она заплачет, но де-

вочка только кивнула.

— Я тоже не понимаю.

Они сели на широкий корень. Элиан достал из кармана кусочек хлеба, оставшийся с утра, разломил пополам. Сестра взяла свою часть обеими руками и некоторое время ела молча. Рядом опустился ворон. Он посмотрел на детей, повёл головой и произнёс звук, совсем похожий на короткое покашливание.

— Он хочет хлеба, — сказала Лира.

— Всем нужен хлеб.

— Даже лесу?

— Лесу нет.

Ворон щёлкнул клювом и улетел, не дождавшись крошек. Элиан заметил, что птица не издала ни звука крыльями. Словно на мгновение ветер остановился вместе с ней.

* * *

Время в лесу испортилось.

Элиан не нашёл бы для этого другого слова. День не заканчивался и не продолжался. Солнце исчезло за деревьями, однако настоящая ночь не приходила. Все тени вытянулись в одну сторону, хотя свет падал то справа, то слева. Капля воды сорвалась с листа, зависла над землёй на несколько мгновений и только потом упала в мох.

Вскоре мальчик перестал рассказывать сестре, сколько осталось идти. Они пробовали разные дороги, но каждая выводила их к незнакомому предмету, который почему-то ка-

зался знакомым: сломанному колесу, старой дверной раме посреди чащи, железной решётке без забора. А потом возвращала к серебристому дереву.

— Давай пойдём по самому узкому пути, — предложила Лира.

— Почему по нему?

— По широким мы уже ходили.

Элиан посмотрел на её серьёзное лицо. Это было не самое плохое предложение за вечер.

Узкая тропа уходила вниз, где туман лежал особенно густо. Здесь пахло холодной землёй и чем-то сладким, будто яблоками, которые слишком долго пролежали под деревом. Лира взяла брата за руку, а он позволил ей идти чуть впереди, чтобы она не цеплялась за выступающие корни.

Вдалеке появился огонёк.

Он висел невысоко, медленно покачивался и освещал куsocек дорожки. Элиан почувствовал такую радость, что чуть не отпустил руку сестры. Свет означал людей. Люди знали дорогу домой. Даже если они окажутся сердитыми, даже если заставят объяснять, почему дети заблудились, — это будет обычный человеческий разговор, а не бесконечное молчание странного леса.

— Смотри! — Он указал вперед. — Кто-то идёт с фонарём.

Лира остановилась.

— Не надо к нему.

— Почему?

— Не знаю.

— Только что ты хотела найти кого-нибудь.

— Хотела. Но этот свет... — Она долго подбирала слово.

— Он зовёт неправильно.

Элиан посмотрел на огонёк. Он был ровным, уютным, тёплым. Никакого неправильного света мальчик не видел.

— Свет не умеет звать.

— Умеет. Когда мама открывала дверь вечером, ты ведь узнавал, что она дома, ещё до того, как видел её?

Он замер. Вопрос прозвучал просто, но за ним обнаружилась странная пустота. Элиан помнил уют комнаты. Помнил, как кто-то ставил на стол миски. Но лица человека, открывавшего дверь, не мог удержать в голове. От этой мысли у него закружилась голова.

— Лира, пойдём, — сказал он резче, чем собирался.

Огонёк погас.

И одновременно откуда-то из тумана донеслись четыре тихие ноты. Это была не совсем песня; скорее кто-то пробовал начать её и каждый раз останавливался, прежде чем голос успевал окрепнуть.

Лира резко подняла голову.

— Слышишь?

— Ветер.

— Нет. Там поют.

— Я ничего не слышу.

— Там ещё кто-то есть.

Мальчик посмотрел на неё. Светлый овал лица в глубине капюшона будто стал старше. На нём было странное выражение, одновременно радостное и печальное.

— Там плачут, — сказала Лира. — Очень тихо. Будто не хотят, чтобы кто-нибудь услышал.

— Никого здесь нет.

— А если есть?

Элиан уже открыл рот, чтобы ответить, но сестра высвободила руку. Она побежала между деревьями так быстро, как могла, придерживая сумку у бедра.

— Лира!

Он бросился следом.

* * *

За первые секунды Элиан успел рассердиться. Он думал о том, как схватит сестру за руку, заставит остановиться, скажет, что так нельзя. Затем злость стала уступать страху: ветви смыкались перед ним, шарф цеплялся за сучья, а светлый капюшон впереди то исчезал, то появлялся всё дальше.

Сердце колотилось так громко, что заглушало звуки леса. Вдруг Элиан понял, что не слышит шагов Лир. Видит девочку, но не слышит, как её ботинки касаются земли.

Он хотел окликнуть её ещё раз, но голос не вышел. Мальчик нырнул под низкую ветку и выскочил на маленькую поляну.

Лира стояла у кромки тумана.

За ней открывался узкий проход, обрамлённый каменными столбами. Между ними висели спутанные корни. Элиан готов был поклясться, что секунду назад этого места не существовало.

— Лира, — выдохнул он. — Ну всё. Идём.

Она не повернулась сразу. Её рука была поднята, словно она держала кого-то за ладонь, но между пальцами ничего не было.

— Знаешь, — сказала она неожиданно тихо, — иногда мне кажется, что кто-то ждёт, когда мы вспомним.

— Что вспомним?

Девочка наконец обернулась.

Её глаза блеснули. Она смотрела на брата так, будто одновременно узнавала и прощалась с ним.

— Я не знаю. Только становится грустно, когда пытаюсь. Элиан сделал шаг к ней.

— Тогда не пытайся. Просто идём домой.

— Ты ведь снова меня найдёшь?

Он опешил.

— Что значит «снова»?

Лира подняла уголок рта в слабой улыбке.

— Просто скажи.

— Конечно, найду. Только больше не убегай.

Туман между столбами качнулся. За плечом сестры на мгновение возникла ещё одна маленькая фигура. Элиан различил чужой рукав, бледную руку и волосы, обрезанные ко-

ротко возле щеки. Ему показалось, что незнакомый ребёнок смотрит прямо на него — но лица он не увидел.

Ли́ра протянула кому-то руку.

Элиан моргнул.

Сестры не стало.

Он продолжал смотреть на место, где она стояла, ожидая, что туман рассеется, что Ли́ра засмеётся, что всё окажется одной из её странных игр. Ничего не произошло. Ни шороха ткани, ни стука ботинок. Только воздух, слишком пустой для такого маленького пространства.

— Ли́ра?

Сначала он произнёс имя почти сердито. Потом громче. Потом побежал вокруг столбов, заглянул в заросли, отодвинул ветви и дважды залез под обломки каменной арки. Он искал белеющий капюшон и длинный шарф; искал даже потерянную сумку с пуговицами и светящимся камнем. Ничего.

— Хватит, — сказал он лесу. — Хватит прятать её!

Ветка качнулась, и эхо ответило из тумана его же голосом:

— Хватит... хватит...

Элиан прижал ладони к ушам. Он хотел закричать ещё, но в горле застряло что-то тяжёлое. Мальчик сел на мокрую землю, не замечая холода.

Ему вспомнились все глупые слова, которые он сказал сестре за последние несколько часов. «Не отставай». «Потом». «Я знаю дорогу». Будто это было важнее того, что

ей хотелось показать. Будто если быть достаточно строгим, можно заставить мир вести себя разумно.

Он попытался представить, что скажет, когда найдёт Лиру. «Прости, что кричал». «Покажи мне камень». «Я посмотрю на все твои находки». Каждая фраза звучала хорошо, но была бесполезной, пока девочки рядом не было.

— Пожалуйста, — сказал он. — Просто ответь.

Лес молчал.

* * *

Первым свет он заметил боковым зрением.

В траве у основания столба лежал старый фонарь. Его стекло покрывали дождевые капли, хотя дождя здесь не было. Металлическая рамка потемнела, одна створка слегка провисла. Внутри горел маленький золотой огонь — тихий, как дыхание спящего.

Элиан не помнил, чтобы Лира несла фонарь. И всё же он узнал узор на ручке: незамкнутый круг, точно такой же, как на найденном сестрой камне.

Он поднял фонарь. Ручка оказалась неожиданно тёплой. Свет разлился по земле, добираясь до корней и влажных камней. Там, где прежде была только грязь, появились цепочки детских следов.

Первая — ботинки Леры. Элиан узнал кривоватый отпечаток её левой подошвы. Вторая напоминала его собственные шаги. Третья была уже и легче: незнакомые маленькие ступни в обуви с тонкими каблуками.

Три дорожки пересекались у столбов и уходили в разные стороны. Элиан присел. Отпечатки казались одновременно свежими и древними, будто земля хранила их под другими листьями долгие годы.

— Мы были не одни? — прошептал он.

Над ним звякнул колокольчик.

Не из тех, что вешают на шею домашним животным. Звук был тонким и долгим, словно кто-то ударил по маленькому металлическому сердцу.

Мальчик поднял голову.

Между деревьями медленно двигалась высокая фигура. Плащ тянулся за ней, цепляясь за ветви, на плечах торчали сучья, а под тканью покачивались длинные металлические подвески. Голова почти касалась нижних ветвей. Когда фигура остановилась, бледная маска повернулась в сторону Элиана.

Он попытался разглядеть лицо под маской. Там, где должны были быть глаза, темнели неподвижные отверстия. В этот миг мальчик понял, что не слышит ни шагов существа, ни ветра. Слышен был лишь колокольчик.

Фонарь вспыхнул сильнее.

Высокая фигура сделала шаг.

Элиан побежал.

У него не было плана и не осталось уверенности, что тропа ведёт куда-нибудь. Он только крепче прижал фонарь к груди, чтобы тот не разбился, и повторял про себя имя сестры —

раз за разом, пока оно не стало единственной прочной вещью в бесконечно меняющемся лесу.

Лира.

Лира.

Лира.

А где-то очень глубоко под корнями медленно проснулось огромное сердце.

ГЛАВА 2

Первая искра

Лес не собирался отпускать Элиана.

Он бежал по скользкой тропе, хватаясь за ветки и почти не поднимая глаз от земли. Сзади звякал колокольчик. Звук появлялся то близко, за самым плечом, то далеко, будто преследователь позволял мальчику поверить, что тот оторвался, а потом напоминал: нет, всё ещё здесь.

У Элиана болели лёгкие. Красный шарф размок и неприятно тянул назад. Фонарь бился о колено, и с каждым ударом мальчик морщился — ему казалось, что стекло вот-вот треснет, золотой свет угаснет и он останется совсем один.

Он не выбирал, куда повернуть. Под ногами одна за другой возникали дорожки из плоского камня. Ветви смыкались по обе стороны, заставляя бежать именно туда, куда указывал свет. Элиан думал, что когда-нибудь лес выведет его к дому, но чем дольше он бежал, тем отчётливее понимал: лес не отводит его домой, а ведёт куда-то ещё.

Впереди нависло упавшее дерево. Между стволом и землёй оставался узкий просвет. Мальчик пригнулся и проскользнул под ним, ободрав рукав о кору. На другой стороне он споткнулся, перекатился через плечо и вывалился на круглую поляну.

Свет фонаря качнулся так резко, что на камнях заплясали огромные тени.

Элиан лежал, уткнувшись щекой в мокрую траву, и ждал, когда над ним появится белая маска. Но колокольчик больше не звучал. Он поднялся на локти. От упавшего дерева не осталось и следа. Там, где только что был проход, стояли пни и молодые ели.

Мальчик долго смотрел на них. Руки у него дрожали; одна ладонь была разодрана, и в царапине застряла сосновая иглолка. Он вытащил её зубами, приглушённо охнул и вдруг понял, как сильно хочет, чтобы Лира оказалась рядом. Она бы испугалась крови, полезла в сумку за своим платочком, а потом целых пять минут требовала бы, чтобы он не трогал ранку грязными руками.

Он вытер лицо рукавом.

— Я найду тебя, — сказал он вслух, хотя сестры поблизости не было.

Лес не ответил. Но впервые за весь вечер его молчание показалось не враждебным, а настороженным, будто деревья тоже прислушивались к обещанию.

* * *

Поляна была почти правильным кругом. По краям стояли старые пни, между ними торчали деревянные столбы с обломанными кронштейнами. Над одним столбом висел разбитый металлический фонарь. В центре возвышалась плоская каменная глыба с тремя трещинами, расходившимися от круглого углубления. Мох покрывал её неровными пятнами, похожими на острова на старой карте.

Элиан обошёл поляну, заглянул за каждый пенёк, попытался найти выход. Следов Лир не было. Между двумя деревьями тянулся проход, но поперёк него зиял глубокий разлом. На дне тянулись корни, похожие на переплетённые канаты. Треснувший деревянный мост лежал на противоположном берегу, будто кто-то разорвал его пополам.

Мальчик вернулся к центральному камню. Он хотел поставить фонарь на поверхность, чтобы развязать шарф, и заметил маленький рычажок под ручкой. Металл был гладким, словно его трогали множество раз.

— Что будет, если нажать? — спросил он, по привычке обращаясь к Лире.

Ответить было некому.

Элиан нажал.

Огонь погас.

Сумрак мгновенно сгустился. Но исчезло не только освещение. Оборвалось едва заметное гудение, которое мальчик раньше принимал за ветер в кронах. Теперь он слышал собственное сердце, сухое поскрипывание плаща и тонкий

плеск где-то под землёй.

Он поспешно вернул рычажок на место.

Огонёк вспыхнул снова.

По центральному камню побежала золотая линия. Она разделилась на три ветви и указала на три пня вдоль края поляны. Элиан наклонился. Там, где свет коснулся мха, проявились знаки, которых раньше не было: окружность, маленькая рука и две почти стертые черточки.

Мальчик погасил фонарь и зажёл снова. Знаки исчезли и вернулись. Он проделал это ещё раз — просто чтобы убедиться, что ему не померещилось. После третьего щелчка усмехнулся, впервые за долгое время почти с удовольствием.

— Значит, ты показываешь спрятанное.

Он поднял фонарь выше. Свет не растёкся дальше, но сделался плотнее. На поверхности камня проступила тонкая дорожка из золотых точек; три из них медленно поплыли к пням. Элиан проследил за первой.

У корней старого дерева теплилась искра размером с горошину. Стоило ему приблизить фонарь, как она поднялась над древесиной и замерла напротив лица.

В воздухе пахло мукой.

Элиан замер.

Поляна исчезла, уступив место маленькой кухне. На деревянном столе лежали обрезки теста, стояли три чашки, а на подоконнике сушились пучки трав. По комнате катался весёлый смех — тот самый, который мальчик узнал бы даже

среди сотни голосов.

— У тебя всё лицо белое!

— А у тебя нос!

Лира стояла у стола, испачкав мукой подбородок. Рядом с ней двигалась ещё одна маленькая фигура. Элиан видел плечо и руку, которая пыталась спрятать за спиной кусочек теста, но стоило перевести взгляд выше, как картинка расплывалась. Воспоминание было похоже на отражение в воде, нарушенное внезапным ветром.

Мальчик хотел войти в комнату, обойти стол и увидеть третьего ребёнка. Ноги не слушались. Тогда он потянулся за голосом Леры, чувствуя, как что-то горячее поднимается к горлу.

— Подожди! — крикнул он.

Видение исчезло.

Он снова стоял перед старым пнём. На пальцах осталась тонкая белая пыль. Элиан потёр её большим пальцем, поднёс к носу. Настоящая мука. От этого было страшнее, чем если бы он увидел привидение: странный лес не просто показывал картинки, он умел приносить в настоящее то, чего мальчик не помнил.

Он сел на корень и попытался восстановить кухню в голове. Где стояла дверь? Чьи руки месили тесто? Почему чашек было три? В памяти обнаруживались отдельные осколки — запах печёных яблок, тёплая ладонь, шорох скатерти, — но стоило попытаться собрать их вместе, как всё пропадало.

«Если не помнишь, значит, и не было», — подумал Элиан. И сразу почувствовал, что это неправда.

* * *

На втором пне он обнаружил три насечки, на третьем — две. Между ними висели нити из паутины с мельчайшими светлыми каплями, похожими на подвески из стекла. Когда мальчик подносил фонарь к одной из насечек, соседняя отвечала коротким сиянием. Получалась почти музыка: свет вспыхивал, замирал и передавал движение дальше.

Элиан решил, что нужно осветить пни по порядку. Он начал с ближайшего, затем побежал к следующему. Золотые линии на камне дрогнули — и погасли. Из-за деревьев доносились шаги.

Мальчик застыл.

Шаги не были человеческими. Они звучали слишком размеренно: тяжёлый удар, короткая пауза, почти неслышное волочение по влажной земле. Затем звякнул металл.

Элиан погасил фонарь и присел за корень.

Поляна молчала. На границе тьмы возникла длинная тень, однако источник тени оставался за деревьями. Элиан не дышал, пока не увидел, как она медленно отступает.

Когда звуки стихли, мальчик ещё долго не решался встать. Ему казалось, что вся задача заключается в том, чтобы делать всё быстро, пока страшная фигура не вернулась. Но спешка привела только к новому шуму.

— Надо понять, — тихо сказал он себе. — Не угадывать,

а понять.

Так обычно говорила Лира, когда они вместе пытались собрать сломанную игрушку. Она могла полчаса рассматривать один деревянный винтик и находила в нём то, что он не замечал за целый день. Элиан вспомнил, как однажды раздражённо забрал у неё механизм и тут же сломал последнюю пружину. Лира не рассердилась, а молча положила пружину рядом. От этого ему стало стыднее, чем от любого упрёка.

Он вернулся к центральному камню и поднял фонарь совсем близко. Под слоем мха обнаружили три рисунка: большая ладонь, маленькая ладонь и снова большая — но последняя была раскрыта, а первая сжата. Рядом текли золотые точки, то сближаясь, то расходясь. Их рисунок совсем не походил на прямую линию.

Элиан смотрел, пока не заметил повторение. Средний пень отвечал первому, первый — третьему, а третий посылал свет обратно к центральной глыбе.

Мальчик проверил догадку осторожно. Осветил среднюю насечку. На камне вспыхнула короткая ветвь. Перешёл к первому пню. Свет стал ярче. У третьего фонарь задрожал так сильно, что он чуть не выронил его, но линия не погасла.

Раздался глубокий, спокойный звук — словно огромный деревянный механизм наконец нашёл нужную шестерню.

Между краями разлома начали подниматься плоские камни. Они не возникали из воздуха: мальчик видел, как их освобождают корни внизу, как из щелей высыпается земля,

как тяжёлые плиты находят себе место рядом друг с другом. Над камнем вспыхнули три искры, соединились и разлетелись в разные стороны.

Элиан отступил, поражённый тем, насколько обычным оказался звук их падения. Камень ударялся о камень. По трещинам осыпался песок. Когда новая тропа закончила подниматься, её можно было потрогать рукой: влажная, шершавая, настоящая.

Он прошёл несколько шагов и остановился. Внизу зияла глубокая пустота; мост был достаточно широким, но не имел ограды. Мальчик опустил на колени, провёл ладонью по плите. Она выдержала. Только тогда ему хватило смелости сделать ещё один шаг.

Но на середине мостика он внезапно заплакал.

Это произошло без предупреждения, без красивой причины. Пока он бежал, разглядывал свет, искал насечки и поднимал камни, страх отступал. Теперь, когда опасный участок был позади, всё вернулось сразу: пропавшая Лира, белая маска в деревьях, маленькие чашки на забытом столе. Его плечи тряслись, слёзы капали на рукава.

Элиан присел на холодную плиту и позволил себе плакать. В детстве он считал, что смелость — это когда никто не видит твоих слёз. Сейчас его никто не видел, но плач почему-то не превращал его в труса. Он лишь напоминал: мальчик был маленьким, устал и очень любил сестру.

— Прости, — сказал он, хотя не знал, к кому обращается.

— Я не могу всегда всё правильно.

Впервые за вечер эти слова не показались ему постыдными.

* * *

За мостиком тропа проходила между старых столбов. На каждом висела пустая металлическая рамка для фонаря. Над одной рамкой устроило себе убежище маленькое существо с ушами, похожими на два сухих листа. Оно было серым, круглым и таким осторожным, что каждое движение начинало с поворота носа.

Элиан заметил его, когда искал место, где можно отдохнуть. Зверёк испуганно втянул голову в плечи.

— Я тебя не трону, — сказал мальчик.

Существо не поверило и сделало два шага назад.

В кармане у Элиана нашлась сухая ягода, случайно оставшаяся с дороги. Он положил её на плоский камень и отошёл. Зверёк приблизился к угощению, обнюхал, взял в зубы и снова спрятался в рамке.

— Хотя кому-то сегодня хорошо, — вздохнул мальчик.

Существо чихнуло так громко, что Элиан невольно засмеялся. Смех оказался коротким, но не чужим. Он удивился собственной способности смеяться после всего, что случилось, а потом подумал: Лира обязательно захотела бы познакомиться с этим созданием. Пожалуй, они потратили бы полвечера, придумывая ему имя.

Элиан не стал его звать. Он понимал, что некоторые

маленькие существа лучше чувствуют себя на расстоянии. Просто поставил фонарь на землю так, чтобы свет не попал в убежище, и съел оставшуюся половину хлеба.

Пока он жевал, в тишине снова возникла мелодия — всего четыре ноты. На этот раз она шла не из леса, а изнутри фонаря. Мальчик поднял его к уху. Пламя дрожало в такт, словно пыталось напомнить давно забытое слово.

За ближайшим столбом проявилась надпись, выцарапанная на коре. Половину букв съела плесень. Рядом был знак незамкнутого круга, точь-в-точь как на камне Леры.

«Когда свет показывает дорогу, — подумал Элиан, — это ещё не значит, что он объясняет, куда она ведёт».

Он хотел запомнить эту мысль, хотя не вполне понимал её.

Внизу под деревьями заблестела ещё одна цепочка следов. Мальчик наклонился. Свет показал маленькую подошву с кривым отпечатком слева.

Лира.

На этот раз он не побежал сломя голову. Аккуратно поднял фонарь, проверил, не скрываются ли в тумане другие следы, и лишь потом шагнул к тропе.

Он уже знал два правила: свет показывал то, что обычно было спрятано, а спешка могла заглушить самое важное.

Третье правило — что за некоторые воспоминания придётся заплатить — ему ещё только предстояло узнать.

ГЛАВА 3

Корни

Элиан заметил, что лес снова изменился, только когда перестал слышать птиц.

До этого над головой время от времени раздавался скрип крыльев, в кустах трещали ветки, далеко в чаще кричало неведомое животное. Теперь стояла тишина такая плотная, что даже хруст собственных шагов звучал неловко. Стволы деревьев сблизились. Одни уходили прямо вверх, другие изгибались, образуя над тропой широкие арки. Корни поднимались выше человеческого роста и перекрывали проходы, словно исполинские пальцы, которые забыли, зачем держат землю.

Мальчик шёл медленно. Здесь нельзя было просто смотреть вперёд: приходилось проверять каждый шаг, искать опору для ботинка и вовремя пригибать голову. На одном повороте корень затянулся поперёк дороги так низко, что Элиану пришлось ползти под ним на животе. Влажная кора испачкала плащ, рюкзак застрял, а фонарь задел камень и сердито звякнул.

— Ну конечно, — пробормотал он. — Теперь и деревья против меня.

Листва тихо зашелестела, будто кто-то обиделся.

Элиан выбрался на небольшую площадку над провалом. С неё открывался вид на длинную долину, затянутую голубым туманом. По ту сторону разлома стояла высокая камен-

ная арка. За ней виднелась тропа, уходившая дальше в лес. Между берегами не было моста. Только далеко внизу светились переплетённые корни, по которым бежали бледные, едва различимые искры.

На площадке лежал старый ящик. Доски его вздулись от сырости, железные уголки покрылись ржавчиной. Рядом в землю была вмурована каменная плита с тремя вытертыми символами. К одному из деревьев крепилась грубая деревянная балка, на конце которой висел камень-противовес. Механизм выглядел заброшенным, но не сломанным: верёвка оставалась натянутой, а на дереве виднелись свежие царапины.

Элиан поставил фонарь на выступ и обошёл площадку. По другую сторону провала мелькнул слабый золотистый след. Он мог принадлежать Лире.

— Подожди, — тихо сказал мальчик. — Я скоро.

Он попытался перетащить ящик к каменной плите. Ящик не сдвинулся. Элиан упёрся плечом, толкнул сильнее. Дерево подалось на ширину пальца и снова остановилось: одна из ножек застряла между корней.

Мальчик потянул. Потом попробовал поднять угол. На третьей попытке ботинок соскользнул с мокрого камня, и Элиан упал на спину в мох. Фонарь качнулся на выступе, едва не рухнув в провал.

— Да что же это такое!

Он сердито ударил кулаком по ближайшему корню. Кора

оказалась твёрдой, как камень; боль прострелила пальцы. От обиды захотелось ударить ещё раз, но Элиан остановился. Вспомнил, как Лира морщилась, когда он ломал её игрушки от нетерпения.

— Ты не виноват, — сказал он корню, чувствуя себя глупо.

Затем осторожно разжал пальцы и посмотрел на руку. Она покраснела. Боль оставалась, но злость уходила.

Он вспомнил чьи-то слова: «Старший должен справляться». Кто это говорил? Голос был знаком, но лицо рядом с ним не появлялось. Элиан закрыл глаза, попытался удержать звук. Слова повторились ещё раз, а потом растворились, словно кто-то закрыл дверь в соседней комнате.

Мальчик открыл глаза. Он мог ещё долго лежать на мху и требовать от себя невозможного. Или посмотреть, почему ящик не двигается.

* * *

Снизу корни действительно удерживали дерево, но один из них был тоньше остальных и выгибался дугой. Элиан поднял плоский камень, подложил его под дугу, затем нашёл короткую палку и сделал из неё рычаг. Палка несколько раз выскальзывала, корень скрипел, руки у мальчика снова покрылись грязью. Наконец ящик освободился.

Он сдвинул его в сторону плиты. Сначала пришлось толкать, потом — направлять одной рукой, чтобы не столкнуть в разлом. Ящик достиг центрального знака и глухо стукнул

об камень. В глубине рощи что-то щёлкнуло.

Противовес медленно поднялся.

За краем обрыва появились три каменные опоры, которые раньше скрывались среди корней. Элиан даже вскрикнул от удивления. Механизм не создавал мост из воздуха — он просто поднимал тяжёлые плиты снизу, как давно забытая лестница, спрятанная под землёй. Но плиты оставались слишком далеко друг от друга, а последняя едва касалась противоположного берега.

Мальчик попробовал ступить на первую. Та качнулась, и он отступил.

— Так не пойдёт.

Золотой свет фонаря проявил на ближайшем дереве три знака: спираль, ветвь и незамкнутый круг. От каждого отходила тонкая линия к одному из камней. Под ними чернели углубления, похожие на отпечатки детских пальцев.

Элиан поднял фонарь к первому знаку. По дереву прошла дрожь, каменная плита опустилась. Он поспешно отвёл свет.

— Нет, нет, только не снова.

Сначала он попытался угадать порядок, как на поляне. Три раза свет погасал. Ветви зашевелились, и каждый раз корни ещё плотнее обхватывали опоры. Элиан присел рядом с ящиком, чтобы отдышаться.

Влажный мох под ладонью был мягким. На нём сидело несколько маленьких жуков со светлыми спинками. Когда мальчик наклонял фонарь, насекомые перелетали от одного

корня к другому — не хаотично, а словно следовали невидимой дорожке. Сначала на средний знак, потом к левому, затем к правому. После каждого круга они на мгновение собирались вокруг одного узла корней.

Элиан долго наблюдал за ними. Усталость мешала думать. Он хотел действовать быстро и наконец уйти, но впервые понял, что внимательность — не медлительность. Иногда это единственный способ не сделать лишнего.

Он поднял фонарь и повторил путь светлячков.

Спираль вспыхнула холодным золотом. Ветвь ответила мягкой зеленью. Незамкнутый круг засиял так ярко, что мальчик заслонил глаза ладонью.

В глубине дерева закрипели скрытые шестерни. Корни разомкнулись. Каменные плиты подались друг к другу, пока не образовали узкий, но надёжный переход. Между ними проступили деревянные вставки, сохранившиеся под землёй; по вставкам бежали светлые нити.

Элиан осторожно наступил на край. Мост выдержал.

Он отступил обратно и с облегчением выдохнул. Теперь дорога была открыта, но он не спешил. Впереди у самого большого дерева раздавался странный стук. Тихий, равномерный: два удара, пауза, ещё один. Мальчик заметил его ещё во время работы с ящиком, но принял за звук механизма. Теперь противовес замер, а стук продолжался.

Он подошёл ближе. Между корнями обнаружилась маленькая дверца — не выше ладони. Края её были обиты тон-

кой медью; на ручке лежал слой пыли. Элиан присел и открыл её двумя пальцами.

Внутри была комната.

* * *

Комната была настолько маленькой, что взрослый человек не смог бы просунуть туда голову. Но всё было устроено по-настоящему: три деревянных табурета, круглый столик, полка с крошечными чашками, свеча величиной с ноготь. На полу лежали сухие листья вместо ковра. Над столом висел рисунок, сделанный детской рукой.

Элиан сначала подумал, что видит игрушечный дом. Затем заметил, что стены изнутри покрыты надписями. Разные почерки, разные цвета, слова на уровне глаз ребёнка. «Мы здесь». «Я не забыл». «Вернись, когда будет светло». Некоторые надписи были затёрты так старательно, что бумага протёрлась до древесины.

Он осторожно достал рисунок из маленькой рамы. На нём стояли двое детей: мальчик в светлом капюшоне и девочка с длинным шарфом. Между ними оставалось белое пространство с неровными краями. Не пустое место — кто-то аккуратно вырезал третью фигуру ножницами.

Элиан коснулся края бумаги. Он мог бы предположить, что видит похожих на себя детей, но рисунок содержал то, чего посторонний человек не мог знать: на его ботинке была такая же кривоватая заплатка, какую он носил сейчас, а Лира держала в руке маленький круглый камешек со светлой

точкой.

Руки похолодели.

— Кто нас нарисовал?

Он сам удивился, что спросил это вслух.

У стены, рядом с рисунком, висели три чашки. Две были целыми, а от третьей осталась только ручка. Элиан вспомнил видение на поляне: стол, мука, смех и три чашки. Сколько раз он проходил мимо одной и той же подсказки, не зная, что это подсказка?

Он посветил фонарём внутрь домика.

В воздухе возникли блёклые силуэты. Три ребёнка сидели на полу и пытались построить башню из деревянных кубиков. Элиан узнал собственный голос — более звонкий, чем сейчас:

— Я буду строить самый высокий этаж!

Лира ответила:

— Тогда она упадёт. Давай сделаем широкую стену.

Третий голос произнёс что-то совсем тихо. Он не разобрал слов, но почувствовал, как внутри сжалось что-то тёплое и болезненное. Мальчик шагнул ближе. Прозрачные фигуры исчезли.

На месте третьего ребёнка остался только светлый отпечаток ладони на полу.

Элиан прижал собственную руку к отпечатку. Он был чуть меньше, чем его ладонь, и по какой-то причине от этого хотелось плакать сильнее, чем от исчезнувшего силуэта. Нель-

зя было обнять даже воспоминание. Нельзя спросить, чего оно хочет и почему так долго ждало именно здесь.

В углу домика стояла коробка с маленькими деревянными фигурками. Одна изображала дерево, другая — мост, третья — птицу. Их покрывал слой пыли. Под коробкой лежала сложенная бумажка.

На ней было написано: «Когда забудешь, смотри не только глазами».

Элиан перечитал фразу несколько раз. Смысл ускользал, но слова он запомнил. Он хотел забрать с собой рисунок и все маленькие вещи, спрятать их в рюкзак и никому больше не отдавать. Потом представил, как однажды кто-нибудь придёт сюда и увидит пустую комнату, в которой ничего не осталось.

Он вернул рисунок на стену. Забрал только бумажку: она лежала отдельно, словно её оставили для того, кто умеет читать.

Дверца тихо закрипела. Мальчик отодвинул руку, позволив ей закрыться. Стук внутри дерева прекратился. Ему показалось, что это похоже на дыхание человека, который наконец дождался, когда его услышат.

* * *

На мосту Элиан шёл медленно. Внизу под ногами тянулась тёмная пропасть, но теперь он смотрел не на неё, а на камни, выбирая место для каждого шага. Посередине он обнаружил разлом в деревянной вставке. Если бы попытался

пробежать не глядя, ботинок наверняка застрял бы между досками. Он переступил щель и прислушался.

Откуда-то снизу донёсся металлический звук. Не колокольчик. Будто вдали кто-то вращал громадное колесо, которому мешала вода. За ним последовал звук, похожий на вздох дерева, и на миг под мостом разгорелось несколько светящихся нитей. Они уходили под землю на многие сотни шагов.

Элиан поднял фонарь. В одном из корневых туннелей показалось маленькое золотое пятно — как будто в глубине кто-то держал ещё один фонарь. Он хотел окликнуть незнакомца, но сдержался. Лес слишком часто оборачивал его надежды ловушкой. Вместо этого запомнил направление.

На дальнем берегу тропа шла под низким сводом корней. Здесь висели старые деревянные таблички. Ветер не шевелил их, однако некоторые медленно поворачивались сами. На одной сохранилась надпись: «Не входи без света». На другой, выцветшей: «Слушай, прежде чем ответить».

Мальчик усмехнулся. Ему хотелось сказать Лире, что её правила теперь встречаются даже на дорожных знаках. Он почти повернулся к сестре, чтобы поделиться этой мыслью, и только потом вспомнил, что её нет рядом.

Боль вернулась остро и неожиданно. Элиан остановился, прислонился к влажному стволу. В последние часы он делал всё, чтобы не думать о потерянной девочке непрерывно: смотрел под ноги, двигал ящик, считал вспышки, исследовал

комнату. Но каждый найденный предмет лишь приближал его к ней и одновременно напоминал об отсутствии.

— Я не забыл тебя, — прошептал он.

Потом задумался: если кто-то мог забыть целого ребёнка, не замечая этого, почему он был так уверен в собственной памяти? Чему ещё он доверял только потому, что хотел доверять?

Ветер донёс запах прелой листвы и сырого камня. Где-то впереди, едва слышно, застучало дерево о дерево — три удара, пауза, один, ещё два быстрых. Такой ритм не был похож ни на дождь, ни на ветер.

Элиан прислушался. Ритм повторился.

Он проверил, крепко ли держится фонарь, и пошёл туда, откуда доносился стук.

Ему впервые показалось, что лес не просто преграждает дорогу. Он задаёт вопросы, ответы на которые нельзя вытолкать силой. И где-то среди этих вопросов спрятан тот, ради которого мальчик пришёл сюда: как вернуть Лиру, не потеряв самого себя?

ГЛАВА 4

Шёпот

Первым был звук капли.

Она падала в пустую древесину и отзывалась мягким, глухим стуком. Через несколько шагов Элиан слышал вторую, затем третью. Они не капали одновременно. Каждая жда-

ла своей очереди, словно незримый собеседник отбивал по пням знакомую мелодию.

Три удара.

Пауза.

Один.

Два коротких.

Мальчик остановился. Ритм уже встречался ему у выхода из корневой рощи. Теперь звук был ближе и громче, а вместе с ним появились слова.

Сначала они походили на ветер. Листья тёрлись друг о друга, и в шелесте чудилось что-то знакомое — шипящие звуки, приглушённые гласные. Элиан прислушался, нахмурился. Вокруг не было никого.

«Ты не успел».

Он резко повернул голову.

Звук пришёл справа, из-под вывороченного пня. Элиан поднял фонарь. Свет высветил влажную кору, мох и мелкие блестящие грибки. Лица не было. Рот не двигался, потому что никакого рта не существовало.

— Кто здесь?

«Ты её отпустил».

Теперь заговорил другой пень. Голос был похож на его собственный, только старше и устатее. Мальчик отступил, чувствуя, как по спине растекается холод.

«Опять останешься один».

— Замолчите!

Шёпот стих на мгновение. Затем слова стали возвращаться со всех сторон — спокойные, настойчивые, произнесённые будто кем-то, кто давно изучил его слабые места. Самым страшным оказалось не то, что лес говорил. Самым страшным была знакомость обвинений. Элиан и без помощи деревьев думал о них с тех пор, как исчезла Лира.

Он побежал вперёд, надеясь оставить голоса позади. Но тропа вывела его на круглую площадку, окружённую высокими пнями. В середине возвышался столб, обросший мхом. По обе стороны от него были развешаны старые деревянные молоточки, соединённые с металлическими язычками. Здесь когда-то мог находиться детский музыкальный уголок или устройство, которым местные жители созывали путников. Теперь оно напоминало ловушку.

Элиан остановился. Голоса разом притихли, будто ожидали его решения.

* * *

На столбе был вырезан знак уха. Под ним — шесть глубоких углублений, расположенных полукругом. В каждом лежал небольшой камень. По краям росли грибы с широкими шляпками; когда ветер касался их, они издавали низкие, едва слышные ноты.

Элиан наклонился, чтобы рассмотреть один из молоточков. На дереве обнаружились отпечатки маленьких пальцев. Кто-то давно и часто пользовался этим механизмом. Мальчик взял молоточек и постучал по ближайшему язычку. Раз-

дался короткий звон. Мох на столбе шевельнулся, словно живой.

— Значит, тоже загадка, — сказал Элиан.

Его собственный голос показался здесь чужим. Он хотел закончить всё быстро: стукнуть нужное число раз, открыть проход, найти Лиру и больше не слушать то, что произносит лес. Поэтому он бил по дереву всё громче. Три раза по одному язычку, два по другому, ещё три, едва не уронив молоточек. Мох вздрогнул и закрыл углубления.

По кругу побежал шёпот:

«Снова неправильно. Снова опоздал».

Мальчик швырнул молоточек на землю.

— Нечестно!

«Нечестно», — повторила роща.

— Я не обязан угадывать, чего вы хотите!

«Не обязан», — отозвался кто-то тонким, едва слышным голосом.

Это было так неожиданно, что Элиан замолчал. Он ждал насмешки, но её не последовало. Вместо этого ветер прошёл по грибным шляпкам, и из них сложились те же шесть звуков: три быстрых удара, длинная пауза, один звон и два коротких.

Мальчик поднял молоточек. Потом опустил. Ему было трудно признать, что он слишком злился, чтобы слушать. Гораздо проще было сердиться на рощу и говорить, что она несправедлива.

Он сел на корень и вытянул ноги, чтобы перестала болеть спина.

— Хорошо, — сказал он. — Если хотите, чтобы я слушал, я попробую.

Сначала ничего не произошло. Потом в шёпоте возникло чужое воспоминание:

«Я обещал вернуться к ужину».

Элиан оглянулся. Голос принадлежал не ему. Он был низким, хриплым и очень уставшим. С другого конца площадки ответил женский:

«Я накричала на сына. Он ушёл, а я так и не попросила прощения».

Потом третий:

«Я убрал письмо в ящик и больше не решился его открыть».

Мальчик слушал, чувствуя, как страх понемногу меняет форму. Голоса не знали его лучше, чем он сам. Они были полны собственных историй. Просто лес перемешивал их с его мыслями, как ветер перемешивает опавшие листья.

Элиан представил, что рядом сидит Лира. Она наверняка сказала бы, что нужно сначала понять, кто говорит, и только потом отвечать. Он чуть улыбнулся, потому что теперь слышал её слова даже тогда, когда она отсутствовала.

— Я не могу помочь вам всем, — произнёс он.

Голоса не стали громче.

— Но я слышу.

Тишина пришла не сразу. Где-то в коре ещё повторяли обрывки сожалений, но они отдалялись, словно кто-то закрывал окна домов одного за другим. Элиан остался сидеть посреди мокрой рощи. Он понял, что чужая боль не становится меньше только потому, что у тебя своя. И что иногда у человека нет правильных слов для помощи.

* * *

Мелодия вернулась позднее, когда мальчик почти задремал от усталости. На этот раз её принесло не грибное дерево, а лёгкое движение воздуха у самого его лица. Четыре ноты — знакомые, напевные, похожие на маленькую колыбельную.

Лира напевала их, когда за окном начиналась гроза. Элиан вспомнил один такой вечер: сестра сидела на полу, прижимая колени к груди, и спрашивала, может ли гром бояться самого себя. Он рассмеялся и ответил, что гром — всего лишь звук. Лира подумала и сказала: «Значит, он просто очень громко живёт».

Теперь этот ответ казался мальчику гораздо лучше всего, что он сумел придумать.

Элиан поднялся. Вместо того чтобы снова бить молоточком наугад, он дождался полного цикла звуков. Три быстрых. Пауза. Один протяжный. Два коротких. Между ними имелось ещё нечто: едва заметный вдох, такой же, как в песне Леры.

Он коснулся первого язычка, затем второго, подождал, медленно провёл молоточком по третьему. Металл зазвез-

нел мягко, без резкости. Последние два удара были почти неслышными.

Мох на столбе зашевелился. Он не осыпался и не сгорел: тонкие нити разошлись по сторонам, открывая стеклянную нишу. В ней лежала деревянная игрушка — маленькая фигурка путника с фонарём. Рядом находился старый снимок, настолько выцветший, что лица можно было различить только по очертаниям.

Элиан взял фигурку. На её спине была вырезана крошечная буква, которую он не сумел прочесть. Фонарь ожил в его ладони, свет задержался на игрушке — и перед мальчиком возник человек в длинном пальто.

Он стоял не на лесной площадке, а в комнате с высокими стеллажами. Вокруг висели фонари разного размера; некоторые горели, другие оставались тёмными. Мужчина опустился на одно колено перед ребёнком в светлом капюшоне. Лицо ребёнка Элиан не видел, но отчётливо различал красный шарф.

— Бояться можно, — сказал мужчина. — Главное — не оставляй другого в беде.

Ребёнок ответил что-то неслышное.

Мужчина поправил ему шарф, очень бережно, словно пальцы боялись порвать старую ткань.

Элиан почувствовал тепло на собственной шее и невольно отступил. Он знал это прикосновение. Знал без имени и лица, так же как тело помнит дорогу, по которой однажды

шло много раз.

— Кто вы? — спросил мальчик.

Видение дрогнуло.

Мужчина повернул голову. На мгновение Элиан различил усталые глаза и добрую складку у рта. Затем свет угас, вернув лесную площадку, сырой столб и тихую неподвижность стеклянной ниши.

Игрушка осталась у него в руке.

Элиан долго рассматривал её, словно маленький резной путник мог объяснить, почему человек из памяти говорил с ним так ласково. Потом аккуратно положил фигурку обратно. Мальчику хотелось унести доказательство, но он вспомнил комнату в дереве и те вещи, которые уже перестали принадлежать одному человеку. Он забрал лишь фотокарточку, потому что под ней нашёлся маленький конверт с надписью: «Тому, кто ищет дорогу».

В конверте лежала полоска бумаги. На ней было одно слово: «СЛУШАЙ».

— Я слушаю, — ответил Элиан, чувствуя, что это всё ещё трудно.

* * *

Тропа за столбом оказалась не широкой дорогой, а сложной цепью узких проходов. Кривые корни пересекали путь, заставляя приседать. В одном месте мосток висел над тёмной водой; доски покачивались под ногами, и от каждого шага по воде расходились круги. Элиан останавливался и дожи-

дался, пока мост перестанет дрожать. Он больше не пытался побеждать окружающий мир скоростью.

Но чем дальше уходила роща, тем настойчивее за спиной повторялся его собственный голос:

«Ты всё равно опоздаешь».

Элиан крепче сжал ручку фонаря. Он хотел сказать, что это неправда, но как доказать обратное, если не знаешь, где Лира? В конце концов он остановился под широким листом, с которого медленно капала вода, и произнёс:

— Может быть, я опоздаю. Я не знаю.

Слова дались нелегко. Ему казалось, что, произнося их, он словно сам разрешает беде случиться. Но после того как они прозвучали, воздух вокруг не рухнул, деревья не зашевелились, ничего страшного не произошло.

— Я всё равно буду искать, — добавил он.

Голос замолчал.

Вдоль правой стороны тропы разгорелись маленькие золотые знаки. Они напоминали отпечатки ладони, которые Лира иногда оставляла на запотевшем стекле. Мальчик опустился на колени, приложил руку к ближайшему. Знак был тёплым. Он не растворялся под пальцами, не обжигал кожу. Элиан почувствовал себя чуть ближе к сестре.

Впереди мелькнул красный лист, подхваченный ветром. На мгновение мальчику почудилось, что в зарослях мелькнул охристый капюшон сестры. Он поспешил за ним, но тут же остановился, чтобы не повторить ошибку. Лист улетел в

траву, где виднелись глубокие следы.

Следы были странными: три длинных пальца, узкая пятка и бороздка, будто кто-то тащил за собой тяжёлый хвост. Рядом отпечатались маленькие детские ботинки.

Элиан присел, осветил землю. Один из трёхпалых следов уходил в сторону, остальные пересекали тропу у старого моста.

Лес начинал новый разговор, на этот раз без слов.

Он спрятал бумажку «СЛУШАЙ» рядом с находкой из корневой комнаты, проверил, крепко ли сидит на плече рюкзака, и направился по следам. Внутри него ещё оставался страх. Но теперь он знал, что страх — это не приказ, которому необходимо немедленно подчиняться.

ГЛАВА 5

Чужие следы

Следы вели вниз, туда, где деревья стояли на мягкой заболоченной земле.

Мокрые стволы были покрыты серым лишайником, похожим на старую шерсть. Между ними висели пучки высохшей травы, а под ногами хлюпала тёмная вода. Дорога то сужалась до одного бревна, то расширялась в настил из деревянных досок. Над настилом покачивались заброшенные гнёзда. Некоторые были такими большими, что Элиан невольно пригибался, проходя под ними, словно оттуда мог высунуться кто-нибудь огромный.

На первом мостке он нашёл отпечаток трёх длинных пальцев. След был глубоким; земля вокруг примялась, будто существо оказалось тяжелее взрослого человека. Рядом виднелась неглубокая борозда. Мальчик поднёс фонарь ближе. Два детских следа пересекали трёхпалый отпечаток. Затем цепочка маленьких ботинок неожиданно обрывалась.

Элиан вспомнил высокую фигуру в плаще и холодную пустоту под маской. Ему захотелось немедленно повернуть обратно. Если существо проходило здесь, возможно, оно уже настигло Лиру. Если детские следы оборвались, возможно, кто-то поднял её на руки. А если она была с ним добровольно? Эта мысль пугала ничуть не меньше.

Он шагнул с мостка на узкую боковую тропу. Там не было следов. Значит, путь казался безопасным. Элиан даже прибавил шаг, радуясь собственному решению. Но через несколько метров земля под ногами просела.

Сначала послышался сухой треск, словно ломали ветку. Потом настил накренился. Мальчик ухватился за торчащую доску, однако та осталась у него в руке. Следующий миг он скатился в яму вместе с мокрыми листьями и куском ограды.

Удар был болезненным. Локоть онемел, колено ударилось о камень. Элиан зажмурился, пытаясь не заплакать от боли, и долго сидел, пока мир перестал кружиться.

Над краем ямы показалась мордочка зверька с ушами, похожими на листья.

Того самого, которому он оставил ягоду.

Существо наклонило голову, наблюдая за ним с таким видом, будто падение было самым предсказуемым событием дня.

— Не смотри на меня так, — буркнул Элиан. — Я не знал, что там ловушка.

Зверёк медленно моргнул.

— Да, знаю. Надо было проверить.

Существо чихнуло, уронило в яму маленький сухой лист и исчезло.

Элиан огляделся. Стены ямы были земляными, скользкими и довольно высокими. На одной стороне торчали корни, но они не выдерживали его веса: первый же оборвался у самой ладони. Мальчик попытался прыгнуть, ухватиться за выступ, несколько раз соскользнул обратно. После третьей неудачи он остановился, чтобы отдышаться. Внизу пахло сыростью, словно яма давно не видела солнца.

Он поднял фонарь. На земляной стене проявились старые отметки — кто-то много лет назад оставлял здесь зарубки. Рядом торчал кусок деревянной балки. Если найти верёвку, можно было бы закрепить её и подтянуться.

— Только где мне взять верёвку? — спросил он.

Сверху снова послышался шорох.

Зверёк вернулся. Он тянул по настилу длинный побег, привязанный к чему-то тяжёлому. За побегом медленно выволакивалась старая верёвка с затянутым узлом. Маленькое существо толкнуло конец верёвки в яму и отпустило.

Элиан поймал её. Проверил узел, потянул сначала осторожно, потом сильнее. Верёвка не сдвинулась: другой конец, видимо, зацепился за тяжёлую опору. Мальчик приложил фонарь к стене, поставил ботинок на выступ и начал подниматься.

Один раз нога сорвалась. Он ударился коленом, но не отпустил верёвку. Второй раз пальцы чуть не разжались от усталости. Он остановился и подождал, пока перестанут дрожать руки. Наконец его ладонь легла на край настила.

Зверёк стоял рядом, смешно распушив листья-уши. Элиан выполз на мостки и некоторое время просто лежал, глядя в серое небо между деревьями.

— Спасибо, — выговорил он наконец.

Существо подошло, обнюхало его сапог и отвернулось с преувеличенно независимым видом.

— Я понимаю. Ты не ради похвалы.

Зверёк снова чихнул.

Элиан улыбнулся. Ему пришло в голову, что незнакомый лес впервые помог ему не таинственной подсказкой, не механизмом, а самым обычным поступком маленького существа, которому он когда-то не пожалел ягоды.

* * *

Когда мальчик поднялся, он заметил на настиле птицу. Большая болотная птица с тёмно-синими перьями шагала по грязи, подбирая клювом что-то невидимое. У неё были три длинных пальца. За лапами тянулся хвост из мокрых перьев,

оставляя борозду.

Элиан присел и посмотрел на её след.

Точно такой же, как тот, от которого он испугался и свернул с безопасной дороги.

Птица увидела его, сердито щёлкнула клювом и ушла в камыши. На досках остался свежий отпечаток, неглубокий и совсем не страшный.

— Значит, это была ты, — сказал Элиан. — А я подумал...

Он не договорил. Не хотелось произносить вслух, какого чудовища он успел придумать. Но мальчик задумался, почему он так быстро уверовал в свою догадку. Он видел только три пальца в грязи и пустое место вместо дальнейших следов. Остальное добавил сам.

Рядом поднялся небольшой ветер, колыхнул старое гнездо. Оттуда выпала сухая ветка. На ветке висела тонкая нитка красной ткани.

Элиан подошёл ближе. Ткань напоминала выцветшую завязку от охристого капюшона Лиры, но уверенности у него не было. Он снял её с сучка и спрятал в карман, не желая делать поспешных выводов. Может быть, так он и учился взрослению — не становясь увереннее во всём, а признавая, что некоторых вещей пока не знает.

Впереди мостки расходились на три направления. Средний путь преграждали закрытые воротца с узкими деревянными створками. На них были вырезаны животные: птица, зверёк с листовыми ушами, длинноногий олень и незнако-

мая фигура с длинной шеей. Под каждым рисунком висел маленький металлический язычок.

Элиан осветил воротца. На поверхности появилось несколько свежих грязных отпечатков. Они вели к правому язычку, затем к левому, затем к нижнему. Рядом обнаружилась надпись: «Пути разные, земля одна».

Мальчик вспомнил прошлую рощу: там он ошибался, пока не начал слушать. Здесь, похоже, нужно было смотреть.

Он присел, сравнивая следы с рисунками. У птицы — три тонких пальца, у листоухого зверька — маленькая широкая лапка, у оленя — раздвоенное копытце. Самый крупный след оказался не страшным существом, а следом оленя, который прошёл по грязи, когда земля была особенно мягкой.

Элиан прижал язычки в нужном порядке. Воротца сначала слегка дрогнули, словно не верили мальчику, потом медленно открылись. Доски с хрустом разошлись, открыв узкий проход.

Зверёк нырнул туда первым.

— Эй, — окликнул его мальчик. — Хотя бы подожди!

Он ускорил шаг. Рюкзак стукнулся о косяк, фонарь качнулся, но на этот раз Элиан вовремя остановился, чтобы поправить ремень. Слишком многое в этот день напоминало ему, что несколько секунд внимания иногда экономят целую беду.

* * *

За воротцами открылась маленькая поляна со сломанной

скамьей. На ветке висел бумажный самолётик. Он зацепился за тонкий сучок и тихо вздрагивал от каждого порыва ветра. Элиан поднялся на камень, вытянул руку и снял его.

Бумага намокла по краям, но середина сохранилась. На одном крыле неровными детскими буквами было написано: «Первое желание — найти дорогу». На другом: «Второе — чтобы никто не боялся». Место третьего желания было оторвано.

Элиан провёл пальцем по сгибу. Он знал, как сделан этот самолётик. Сначала один уголок нужно подогнуть внутрь, потом другой, затем выровнять крылья, иначе самолёт летит боком. Здесь левое крыло было короче правого — точно так же, как у самолёта, который когда-то сложил он сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.